

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФЕНОМЕН ВЛАСТИ

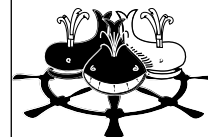
А. СИДОРКИН

Около сорока тысяч лет назад современный человек пришёл в близкий контакт со своим кузеном неандертальцем. Им довелось жить вместе на Евразийском континенте в течение 10 тысяч лет, а может быть и больше. Теперь уже доказано, что два вида смешивались и в каждом из нас есть 2–3 процента неандертальских генов. Когда же Европа погрузилась в очередной ледниковый период, *Homo Sapiens* выжил, а *Homo Neandertalensis* вымер. Подобные истории произошли, вероятно, и в других местах планеты, поскольку мир тогда был населён несколькими видами человека, из которых выжил лишь один. Жан-Жак Ублен (Jean-Jacques Hublin), директор лаборатории динамики человеческой эволюции во Франции, считает, что ключевая разница между двумя видами состояла в размахе их социальных связей и способностью наших предков к инновациям. Интересно, что неандертальцы были биологически гораздо более приспособлены к жизни в холодной Европе, так что их конкуренты должны были шевелить мозгами, чтобы выжить¹. Ублен также отмечает одну интересную деталь: человек современный научился изготавливать множество копий одного и того же орудия. Типы орудий чётко отделялись друг от друга, например,

скребок — от ножа, а нож — от сверла. Неандертальцы же изготавливали орудия всевозможных форм, включая промежуточные; они не могли или не хотели буквально повторять образцы. В некотором смысле неандертальцы были более творческими, чем наши предки. Однако современные люди смогли накапливать лучшие способы изготовления орудий и передавать их следующим поколениям. Иными словами, в то время как каждый молодой неандерталец должен был в какой-то степени испытать опыт «открытия» каждого орудия самостоятельно, его безволосый собрат из соседнего стойбища получал готовую информацию о лучшем способе изготовления ножа. Таким образом, человек получил возможность сосредоточить свои инновационные потенции на улучшении уже изобретённого орудия, а неандертальцы были обречены на бесконечное изобретение каменных велосипедов.

На холодных просторах Европы 30 тысяч лет назад человеческий учитель победил неандертальского. Хочу подчеркнуть, что разница между двумя видами была не в способности учиться — неандертальцы были довольно близки к нам по уровню интеллекта, а в способности учить.

¹ Jean-Jacques Hublin: Who Were the Neanderthals?, © 2001 WGBH Educational Foundation and Clear Blue Sky Productions, inc http://www.pbs.org/wgbh/evolution/library/07/3/L_073_02.html.

Образование в буквальном смысле создало человечество. Организованное образование есть такое же важное изобретение человечества, как использование огня и металлов, или земледелие и скотоводство. Все другие изобретения были бы давно забыты, если бы не открытие образования, позволившее эффективно передавать знания. Большинство животных может учиться из своего непосредственного опыта. Многие социальные животные также обладают способностью передачи своего коллективного опыта следующим поколениям. Например, слоны учат своих детенышей не только где и когда находить пищу и воду, но и навыкам социально-приемлемого поведения. Обучение само по себе присуще не только людям, но его размах и эффективность отделяют нас не только от других животных, но и от других гоминидов. Как и мы, неандертальцы были наделены большим мозгом, языком, культурой и развитой социальной организацией. Наши предки совершили мощный прорыв с помощью образования, которое позволило накапливать запасы тщательно отобранной информации. Иными словами, обладая примерно одинаковыми возможностями для производства и потребления знаний, современный человек и неандерталец различались по способности отбирать знания.

И с точки зрения хранения и передачи информации, человечество есть несовершенная машина. Со смертью каждого человека вся его память стирается, и каждое новое поколение должно проходить через длительный процесс усваивания информации от предыдущего. Изобретение письменности облегчило процесс, но не изменило его сущности — без ученика, готового читать, все книги на свете остаются лишь бумагой с чернильными пометками. С развитием человеческой цивилизации всё больше труда и времени приходится тратить на, в общем-то, тривиальную задачу передачи информации с одного носителя на другой. Продолжительность человеческой жизни ограничена, как и объём его рабочей памяти, поэтому важнейшими операциями являются отсеив ненужной информации и её эффективная организация.

Сущность работы учителя заключается в том, чтобы сделать учение избирательным.

Несколько парадоксально можно сказать, что научение включает в себя ограничение учения. Человек учится из непосредственного опыта своей жизни всему, с чем он сталкивается. Образование начинается там, где взрослый определяет, чему и как должен учиться ребёнок. Образование основано на суждении о важном и неважном, на отделении того, что достойно и что недостойно передаче во владение будущих поколений. Учитель отделяет опыт, полезный одному человеку для конкретной ситуации, от опыта, полезного многим людям во множестве ситуаций. Например, обучение изготовлению совершенного наконечника для стрелы устраняет необходимость открытия секретов мастерства самим учеником. Интересно, что прогрессивные методы часто требуют, чтобы ребёнок сам совершил открытие, уже совершенное до него; таковы, например, предпосылки проблемного обучения. Это совершенно оправданно с точки зрения мотивации, но абсолютно неоправданно с точки зрения эффективности передачи знаний. Ведь совершенно очевидно, что каждый ребёнок не может совершить все открытия самостоятельно. Цель образования как раз и состоит в том, чтобы усвоить знание в готовом виде в кратчайший срок. Конечно, надо заставлять школьников думать и надо дарить им радость самостоятельного открытия. Мы живём в эпоху инноваций, когда сама способность открывать новое является важнейшей задачей образования. Однако суждение о новизне может быть сделано только с позиций знания об уже существующем знании. Злоупотребление творчеством и самостоятельностью в учебном процессе может привести нас к ошибке неандертальцев, когда энергия учащегося направлена на изобретение уже изобретённых вещей.

Успех образования зависит от степени эффективности эксплуатации важнейшего биологического ресурса — детства. Человеческие детеныши рождаются недоношенными, что позволяет им увеличить объём головного мозга и усвоить огромное количество знаний. Длинный период детства (намного длиннее, чем у других животных), с одной стороны, возлагает серьёзную обузу на человеческие сообщества, а с другой стороны, многократно окупается тем, что дети

способны усваивать значительный объём информации. Ниже мы кратко рассмотрим три дара детства, которые в совокупности представляют собой биологический ресурс детства.

Незрелость. Простой факт: чтобы выжить, дети требуют многих лет интенсивного ухода. Это обстоятельство позволяет создавать чрезвычайно близкие социальные отношения с матерью. Эти отношения затем служат матрицей для всех остальных социальных отношений. Отношения с матерью чрезвычайно проблематичны, ибо предполагают зависимость и обретение самостоятельности. Они вырабатывают определённый способ взаимодействия сознательного и подсознательного. По мнению Илай Сэйгана (Eli Sagan), сильная зависимость от матери делает нас способными к любви и служит основанием всей человеческой этики. С другой стороны, неизбежная травма разрыва этих отношений создаёт глубинное основание личности. Личность есть ни что иное, как шрам на поверхности бессознательного тела психики; это всего лишь отвердевший сгусток человеческих отношений. Способность к избирательным, подвижным и разнообразным отношениям чрезвычайно важна для образования, потому что знания о мире опосредуются отношениями. Мы считаем заслуживающим внимания то, что считают важным авторитетные для нас люди, — это важнейший механизм фильтрации знаний. Без авторитета родителей и учителей, без мифологии, окружающей школу, никакое образование было бы в принципе невозможно. В то же время, поскольку мы способны видоизменять и порывать отношения, то и информационные фильтры остаются динамичными. Образование предполагает как следование авторитетам, так и выбор между различными авторитетами и опровержение их.

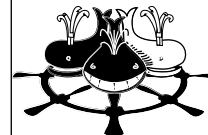
Любопытство. Инстинкт накопления информации, даже если её ценность совершенно неочевидна. Это адаптивный механизм, заставляющий животное постоянно изучать своё окружение на случай, если информация окажется полезной в будущем. Образование использует этот механизм, создавая некую искусственную среду с тщательно отобранными стимулами. Любопытство

срабатывает и в этой среде, и ребёнок начинает поглощать информационную пищу, приготовленную для него учителем.

Игра. Это инстинкт, позволяющий тренировать умения и отбирать информацию, достойную знания. Если любопытство есть голод ума, то игра — это его пищеварительная система. Если верить Джерому Брунеру (Jerome Bruner), то функция игры состоит в минимизации последствий деятельности, чтобы учение происходило в менее рискованной ситуации. Таким образом, ребёнок пробует поведение, которое в других условиях не было бы опробовано. Винникотт (Winnicott) считает, что в игре встречаются внутренняя и внешняя реальности, и ребёнок учится принимать внешнюю реальность. Игра есть важнейший биологический ресурс, который образование давно научилось использовать для своих целей. Поскольку учитель часто предлагает знание, удалённое от реального мира сегодняшних проблем, игра позволяет участвовать в этом мире понарошку.

Homo Sapiens научился эффективно эксплуатировать свои биологические ресурсы, в том числе дары детства. Неандертальцы, скорее всего, обладали тем же самым ресурсом, но так и не научились использовать его с достаточной эффективностью. Обучение есть всего-навсего технология эксплуатации детства, так же как колодец есть технология эксплуатации водных ресурсов. Животные могут погибнуть от жажды, хотя вода находится лишь в двух метрах от поверхности земли, если они не обладают технологией рытья колодцев. Таким образом, не само наличие ресурса, а технология его использования делает тот или иной вид успешным.

Технология образования прошла длинный путь эволюции с момента нашей славной победы над неандертальцами. Условно разделим этот процесс на три ступени: ученичество, классическая школа и массовая школа. Заметим сразу, что три ступени не хронологические, а, скорее, логические. Кроме того, с появлением технологии следующей ступени предыдущая никуда не исчезает, а продолжает существовать и даже развиваться. Речь идёт, скорее, о накоплении, чем о чередовании форм образования.

Ученичество есть древнейшая технология образования, в которой ребёнок непосредственно вовлечён в производительную жизнь общества и совершенно ясно понимает, для чего нужно то или иное знание или умение. В ученичестве ребёнок осваивает чтение следов с помощью чтения следов, он учится разводить костер в процессе разведения костра. Если даже он учится стрелять из игрушечного лука по мишени, у него не вызывает никакого сомнения, что данный навык пригодится ему очень скоро и для вполне понятных целей. Ученичество не исчезло и теперь, поскольку почти на любом производстве работник должен доучиваться уже в процессе самого производства. Однако позиции ученичества заметно пошатнулись с развитием технологической цивилизации. Нельзя, например, научиться делать пересадку сердца через ученичество. Лишь после двадцати лет обучения, на самой последней стадии подготовки хирурга, он начинает осваивать своё ремесло, непосредственно участвуя в его практике.

Элитарная школа как новая технология появилась в сложных профессионально-классово дифференцированных обществах. Вообще школа исторически сформировалась как средство селективного образования небольшого круга элиты, необходимого для управления сложным обществом. Если ученичество довольствовалось простой эксплуатацией трёх даров детства, то школа добавила к ним четвертую силу — социальный статус. Поскольку школьное образование соответствовало привилегированному социальному статусу, то школьный труд мотивировался страхом понижения социального статуса. Иными словами, элитарная школа могла поддерживать порядок и побуждала детей учиться за счёт угрозы отсева. Почти во всех странах мира элитарная школа продолжает существовать на уровне среднего образования, а в России она даже усилила свои позиции по сравнению с более эгалитарным советским образованием. Учреждения высшего образования, как правило, относятся к этому типу. Каждый, кто работал в школе и университете, может засвидетельствовать разные уровни мотивации у школьников и студентов. Дело здесь

совсем не в эмоциональной зрелости, а в том, что в институте всегда существует хотя бы теоретическая угроза отсева, тогда как в большинстве школ такой угрозы нет.

Массовая школа часто внешне выглядит так же, как и элитарная школа, но по своей сути она является совершенно другим типом технологии образования. Хотя её корни, несомненно, общие с элитарной школой, массовая школа есть явление относительно новое, вызванное к жизни существенными изменениями в структуре человеческой цивилизации. Теперь нам нужно, чтобы абсолютное большинство людей имело хотя бы среднее образование. Без этого современная экономика просто не работает.

Проблема массовой школы в том, что она потеряла самый главный механизм власти над детьми, которой пользовалась школа элитарная. Детей нельзя ни физически наказывать, ни изгнать из школы. В результате произошёл медленный кризис власти. В традиционных патриархальных обществах он неощутим, потому что семья фактически делегирует свой огромный запас рычагов воздействия на ребёнка школе. В сложных, конфликтных и гетерогенных обществах этого не происходит, и учителя в буквальном смысле не знают, как заставить детей учиться. Бурное расцветание разных форм авторитарной, жёсткой педагогики именно и связано с недостатком обычных, цивилизованных рычагов власти.

Одним из самых популярных мифов об образовании можно считать мнение о безграничном детском любопытстве. Оно основано на широко известном и верном наблюдении: абсолютное большинство детей приходят в школу с желанием учиться и с недюжинным запасом любопытства. Однако уже через несколько лет и то и другое у многих угасает. Многие ошибочно связывают изменения с негативным влиянием школы. Это, конечно, не так: первые годы в школе просто совпадают во времени с возрастными изменениями в структуре и направленности интереса к учению.

Опыт традиции воспитания можно рассматривать как создание очень сложных, уточнённых властных отношений в образовании. Во-первых, педагоги научились использовать властный потенциал так называемого под-

росткового общества. Ведь коллектив — это не что иное, как управляемое, отчасти подконтрольное взрослым детское сообщество, в котором действуют механизмы так называемого peer pressure, или давления сверстников. Но эти обычно изолированные от взрослых сообщества всё-таки в значительной мере контролируются взрослыми.

Второй важнейший механизм — это создание уникальной формы экономического обмена между школьником и воспитывающей школой. Договор, примерно, такой: «Мы, школа, предоставляем тебе площадку для общения со сверстниками и целый ряд бесплатных услуг: походы, праздники, кружки, сборы, и т.д. В обмен на это ты должен прилагать минимальные усилия по всем предметам, и вести себя прилично на уроках». Нужно ли доказывать, что такая микроэкономика школы — это не только более гуманный, но и более эффективный механизм принуждения детей к учению. К сожалению, этот механизм весьма уязвим для внешних давлений, поскольку люди, далёкие от практического образования, не понимают, что путь к увеличению усилий самого ребёнка пролегает не напрямую, а через создание целой сети локальных услуг, тесно связанных именно с той школой, где он учится и где может происходить обмен. Введение режимов подотчётности в образовательных системах мира не сопровождалось глубоким пониманием властных отношений в школе, и во многих случаях выдавили воспитательную функцию из школ.

Не стоит забывать, конечно, и о других опасностях. Сфера развлечений в обществе и социальные электронные сети сделали

ребёнка менее зависимым в эмоциональном отношении от своей школы и своих одноклассников. Нечасто педагогам удаётся конкурировать с внешними конкурентами за внимание детей. Неясно, возможно ли это в принципе, даже в идеальных для воспитывающих школ условиях. Кроме того, нарастает ценностная гетерогенность современного общества. Это необратимый и универсальный процесс, который подрывает авторитет школы в глазах определённых слоёв населения, не разделяющих её ценностные ориентации. Построить же крепкое школьное сообщество без какого-то консенсуса по ценностям очень трудно.

В заключение хочу сказать, что воспитывающая, демократическая школа отличается от авторитарной не тем, что у неё меньше власти над детьми. Это представление основано на устаревших представлениях о власти, давно развеянными Фуко и другими постмодернистами. Как раз наоборот демократическая воспитывающая школа имеет более широкий, гораздо более утончённый арсенал воздействия на детей. И второе — сравнение массовой школы с элитарной школой по любым количественным показателям является совершенно неправомерным, как гонка между велосипедом и машиной на скорость. Велосипед имеет другие огромные преимущества, например, он сохраняет своему хозяину здоровье, благоприятную окружающую среду и деньги. Но это другой аппарат. Так же нам надо признать, что массовая школа — это совсем другой зверь, и нельзя делать вид, что она ничем не отличается от элитарной школы.